

— Ты прекрасен, возлюбленный мой, — сладко потянувшись, проговорила Маймуна, дочь Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов.

— Уста твои полны меда, о прекраснейшая! — отвечал ее любимый, ифрит Дахнаш, сила которого была известна каждому из потомков Иблиса Проклятого.

Маймуна и Дахнаш, джинния и ифрит, давно и нежно любили друг друга — не так, как любят люди, ибо им дано мгновение, и не так, как любят звери, ибо им не дано души.

Джинны — народ бессмертный, вездесущий, но недобрый. Они любят бесконечно. Но так же вечно могут и ненавидеть. И горе тому, на кого упадет гневный взор джиннии! Женщины больше никогда не будут смотреть в сторону такого мужчины. А если в сердце дочери магического народа вспыхнет ненависть к женщине — горе той, ибо ее дни на земле станут одинокими и печальными.

Но счастье навсегда меняет и темные как ночь души магического народа! Любовь, поселившаяся там, воистину велика — в ее пламени гибнут слабые, но она дарит сильным такое счастье, о каком слагают сказки не одно столетие.

Так случилось и на этот раз — Маймуна и Дахнаш нашли друг друга, и счастье этого союза было велико и благородно.

— Что я могу сделать для тебя, о свет очей моих? — спросил ифрит. Его голос дрожал от нежности.

— И я думаю о том, что же волшебного мне сделать для тебя, Дахнаш.

Они улыбнулись друг другу. Рассвет уже тронул верхушки деревьев. Старая башня, которую люди называли заброшенной, уже много лет верно охраняла необыкновенное чувство детей магического народа.

Маймуна потянулась к возлюбленному. Ее нежные руки обвили сильные плечи ифрита.

— Мне кажется, любовь моя так велика, что я готова раздарить ее всему миру...

Нежное лицо Маймуны осветила улыбка. Она села на ложе, поправила волосы и повернулась к Дахнашу.

— Я придумала! Давай мы найдем двоих — юношу и девушку — и подарим им толику своего счастья!

Дахнаш гулко рассмеялся:

— Отличная мысль! Но я думаю, любимая, что надо найти таких... одиноких, пе-

чальных, кто не любит никого в целом мире... Кто сух, как старый высохший сикомор у дороги. Мы подарим им ночь наслаждения счастьем, а потом унесем в разные стороны.

— Зачем?

— Да затем, что найденная любовь много лучше дареной. За ту ночь они поймут, как может быть прекрасно чувство единения! А потом, после трудного пути обретя утерянное, будут во сто крат сильнее радоваться этому обретению!

— А если они не смогут найти друг друга?

— Ну-у мы же им немного поможем!

Маймуна засмеялась:

— Я согласна. Тогда ты ищи юношу, а я буду искать девушку...

— О нет, любимая. Ты будешь искать юношу, а я девушку. И тогда ревность не станет злой советчицей, ее яд не тронет наши души. И мы сможем найти тех, кто по достоинству оценит наш необыкновенный дар.

— Твоя мудрость так же велика, как и твоя нежность. Я согласна — завтра на закате мы расстанемся. Я улечу на запад, а ты лети на восток — чем дальше эти двое будут друг от друга, тем лучше.

И Маймуна потянулась к своему возлюбленному. Ее нежные ладони легли на плечи Дахнаша, скользнули вниз, к талии. Он встал на ноги, поднял любимую и с наслаждением принял желанную ласку, что уже давно будила волшебный огонь в его жадных чреслах.

Ушло время разговора. Пришло время безмолвной, но всеобъемлющей страсти. Ифрит застонал и медленно склонился к ней. Маймуна ждала поцелуя. Ее веки

опустились, чтобы ничто не нарушило полноты ощущений.

— Не говори ничего, — шепнула она. В ее голосе жил огонь желания. — Эта ночь создана для страсти.

Маймуна всегда хотела его поцелуев, его ласк. Она мечтала, что придет время, и ее любимый останется с ней навсегда и захочет назвать ее не только возлюбленной, но и спутницей на трудном и таком долгом жизненном пути.

Его губы терзали ее уста, а руки безумствовали в длинных, черных как вороново крыло волосах. Эта ласка сводила ее с ума, и она желала, чтобы все это длилось и длилось. Маймуна любила Дахнаша давно, но каждое его прикосновение было словно первое, а каждая ночь с ним — единственной. Сначала поцелуй был грубым и властным, а потом становился все нежнее и ласковее, и Маймуна невольно застонала от удовольствия. Дахнаш раздвинул языком ее разгоряченные губы, давая понять, что он хозяин положения и не намерен от этого отказываться. Но в тот миг, когда она уже хотела сдаться на милость победителя, вдруг все изменилось.

Дахнаш почти остановился, лишь продолжал легонько прикасаться к ее устам. Маймуна не могла насытиться его вкусом, она желала бы продлить эти сладостные ощущения бесконечно. Он обнимал ее одной рукой, сначала лаская плечи, а потом опус-

